

Россійская Соціалъдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

СИБИРСКІЙ.

21. 209
1068

✓ 64

ОТПРАВКА СТУДЕНТОВЪ

ВЪ СИБИРЬ.

СЪ ДВУМЯ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

ДВУМЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Изданіе Лиги Русской Революціонной Соціалъдемократіи.

ЖЕНЕВА

Типографія Лиги, Route Caroline, 27.

1902

ОТПРАВКА СТУДЕНТОВЪ ВЪ СИБИРЬ.

Много враговъ у самодержавнаго правительства, много ихъ у Ники-Милуши, охъ какъ много!.. Тутъ рабочіе, тамъ студенты, здѣсь разночинцы, тамъ крестьяне православные, а того гляди, „молодцы“-солдаты свихнутся... Я уже не говорю о „жидахъ“, полякахъ, финляндцахъ и прочихъ „инородцахъ“, которые, какъ извѣстно, уже съиздавна „ни въ бога не вѣрують, ни царя не почитаютъ“. Словомъ, „злонамѣренныхъ“ людей у насъ въ Россіи тьма тмушая. Бѣдный Ника, несчастный Милуша!..

Ну, ничего, говорятъ Милушины ангелы-хранители, не робѣй Ника, не тужи! мы имъ покажемъ всѣмъ, гдѣ раки зимуютъ!..

И славные рыцари кнута, нагаекъ, розогъ и прочихъ видовъ сократительныхъ орудій двинулись въ походъ. Кипитъ работа!.. Бьютъ, истязуютъ, топчутъ, хватаютъ, сажаютъ, ссылаютъ. И такъ всюду: крамола искореняется, „порядокъ“ восстанавливается; славные полководцы торжествуютъ, отъ царя награды получаютъ. Врагъ смятъ, раздавленъ, побѣда полная!.. Но... странное дѣло! эта блестящая побѣда чѣмъ-то сильно омрачается; побѣдитель беспокойно оглядывается, старательно прячется отъ кого-то или отъ чего-то, съ лихорадочной тревогой слѣдитъ за результатами своихъ побѣдъ... Объ одной изъ такихъ „побѣдъ“ я и хочу здѣсь кое-что рассказать.

Въ двадцатыхъ числахъ марта началась ликвидация дѣла московскихъ студентовъ, взятыхъ со сходки 9-го февраля этого года. Какъ извѣстно, 95 человѣкъ изъ нихъ были приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь на разные сроки. Къ нимъ же были присоединены еще человѣкъ 40 „подготовителей“. Транспортировать столь огромную партію въ Сибирь въ теченіе нѣсколькихъ



ф 8707-41

дней — задача неслыханная, такъ какъ правительству необходимо было принять всѣ мѣры къ сокрытію слѣдовъ своихъ гнусныхъ дѣяній, всѣ мѣры къ тому, чтобы по возможности эту отправку совершить незамѣтнымъ образомъ, чтобы она не могла вызвать сенсаций въ населеніи. Удалось это правительству или нѣтъ? — Мы это увидимъ сейчасъ.

А надо отдать справедливость ему — оно приложило всѣ старанія для достиженія цѣли: телеграфъ, телефонъ, желѣзныя дороги и проч. работали во всю.

Надо замѣтить, что въ послѣднее время въ „Бутыркахъ“ (Московской Центральной Пересыльной тюрьмѣ) все больше и больше скапливается просто политическихъ (не студентовъ), ожидающихъ дальнѣйшей отправки; знаменитыя Бутырскія башни постоянно бываютъ переполнены политическими пересыльными. Между тѣмъ, обычный порядокъ отправки политическихъ изъ Бутырокъ въ Сибирь — это по два человека разъ въ недѣлю, вмѣстѣ съ уголовной партіей. При такомъ порядкѣ, тюрьма, естественно, не успѣваетъ во время сбыть дальше всѣхъ вновь поступающихъ въ нее, а потому все чаще и чаще теперь замѣчается въ ней чрезмѣрное скопленіе политическихъ. Въ этихъ случаяхъ является необходимость въ отправкѣ экстренныхъ самостоятельныхъ партій, состоящихъ изъ однихъ только политическихъ, на что каждый разъ испрашивается особое разрѣшеніе отъ высшаго начальства. Само собой разумѣется, что насколько незамѣтно совершается отправка пары политическихъ среди массы уголовныхъ, настолько бросается въ глаза цѣлый транспортъ изъ однихъ только политическихъ. Въ описываемые дни такому, совсѣмъ нежелательному для правительства, „бросанію“ въ глаза публики способствовало еще то обстоятельство, что отправка изъ Москвы длилась цѣлыхъ пять дней: съ 18 по 22 марта ежедневно, въ одни и тѣ же часы, по одному и тому же маршруту, черезъ одни и тѣ же пункты направлялось въ Сибирь (до Красноярска непрерывно) по 2-3 вагона политическихъ, славнымъ образомъ студентовъ и курсистокъ. Изъ этихъ

5 партій на долю московскихъ студентовъ пришлось 3, четвертая московская партія состояла изъ не-студентовъ, и, наконецъ, шестую, проѣхавшую черезъ Москву, партію составляли петербургскіе студенты. По отпавкѣ этихъ 5 партій начальство, очевидно, почувствовало необходимость нѣкотораго отдыха, такъ какъ слѣдующая, шестая партія московскихъ же студентовъ — „подготовителей“ — была такимъ же порядкомъ отправлена лишь недѣлю 3 спустя.

Перехожу теперь къ описанію самой отправки. Въ общемъ, какъ выяснилось изъ взаимныхъ разсказовъ въ Красноярской тюрьмѣ, обставлены были всѣ 6 отправки совершенно одинаково; самое путешествіе сопровождалось почти одними и тѣми же столкновеніями, приключеніями и курьезами; были, конечно, и варіаціи, но онѣ уже касались частныхъ.

Поездъ, который идетъ изъ Москвы на Челябинскъ и къ которому прицеплялись наши арестантскіе вагоны, уходилъ изъ Москвы часовъ въ 7 утра и, слѣдовательно, въ то время года, часа два спустя послѣ разсвѣта. Но отправлять при дневномъ свѣтѣ цѣлыя партіи политическихъ на вокзалъ слишкомъ неудобно, слишкомъ рискованно; надо воспользоваться ночной порой, все совершить подъ покровомъ темной ночи.

Къ 10 часамъ вечера насъ уже обыкновенно начинали торопить въ „сборную“ (огромный залъ, гдѣ конвой принимаетъ партію, дѣлается переключка, свѣряются фотографическія карточки, осматриваются вещи). Проходя черезъ дворъ и смежныя со сборной помѣщенія, поражаешься необыкновенной картиной: всѣ закоулки двора, лѣстницы, корридоры сплошь заняты полицейскими, размѣщенными такъ, чтобы не бросаться въ глаза мимо проходящимъ, для чего выбраны наименѣ освѣщенные площадки. Околоточные безпокойно, хотя безшумно, переходятъ отъ одной кучки городскихъ къ другой, о чемъ-то таинственно шепчутся; „господа“ пристава съ свирѣпымъ видомъ напряженно слѣдятъ за „порядкомъ“; въ залѣ побѣдоносно расхаживаетъ самъ Треповъ, изрѣдка появляясь среди своихъ

подчиненных, чтобы быстро и грозно окинуть очами свою доблестную армию... Инспекция также на лицо. Иной разъ заѣзжаетъ Булыгинъ (губернаторъ), но не на долго...

Ну вотъ, всѣ формальности кончены; тюремное начальство вздохнуло свободно: партія благополучно сдана... Арестанты находятся уже подъ властью конвоя.

Уже за полночь... Тюремщики лицемѣрно прощаются съ арестантами, желаютъ имъ счастливаго пути и прочихъ благъ. Какая идиллія!..

Казалось бы все готово, но партія не двигается. Безпрестанно бѣгутъ къ телефону, о чемъ-то спрашиваютъ. Всѣ страшно утомлены, хочется страшно спать. Такимъ образомъ проходятъ еще томительныхъ 2—2½ часа. Наконецъ, объявляютъ, что „кареты“ уже поданы, что сейчасъ начнутъ насъ выводить за ворота. На наши разспросы, на какой вокзалъ насъ повезутъ и когда поѣздъ отходить, даютъ уклончивый отвѣтъ или совсѣмъ не отвѣчаютъ. Въ это время вдругъ вся команда полицейскихъ, человѣкъ 200, по какому то таинственному приказанію, моментально исчезаетъ изъ тюрьмы. Какъ оказалось послѣ, ихъ тѣсно разставили по тѣмъ улицамъ отъ тюрьмы до вокзала, по которымъ должны были прослѣдовать наши „кареты“.

Кстати, два слова объ этихъ „каретахъ“. Это просто деревянные ящики, причемъ одни изъ нихъ съ трудомъ могутъ вмѣстять 8, а другіе—10 человѣкъ. Запираются они наглухо, конвойные же солдаты частью садятся на козлы, частью сзади, на особой площадкѣ. Въ этомъ ящикѣ, на трехъ его стѣнкахъ, подъ самой крышей, сдѣлано по одной крошечной дырѣ, задѣланной желѣзными прутьями. Днемъ тамъ чуть мерцаетъ свѣтъ, въ ночное же время царитъ абсолютный мракъ, такъ какъ освѣщенія никакого не полагается. Не мудрено, что эти „кареты“ напоминаютъ собою скорѣе гробъ, чѣмъ какой-либо экипажъ, но еще больше походятъ онѣ на фуры собачниковъ, въ которыхъ послѣдніе везутъ на бойню пойманныхъ по улицамъ бродячихъ собакъ.

Разметавъ по этимъ ящикамъ, въ 3 часа ночи насъ двинули на вокзалъ... Впрочемъ, виновать, всетаки не на вокзалъ, а на какую-то передаточную вѣтку, причемъ самая посадка насъ на поѣздъ происходила гдѣ-то въ полѣ, въ пустынной мѣстности, вдали отъ жилыхъ помѣщеній. Послѣ этого наши вагоны обыкновенно въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ безпрестанно маневрировали, и мы все это время кружились вокругъ Москвы. Наконецъ, часовъ въ 7 или 8 насъ прицепляли къ какому нибудь поѣзду и направляли въ Тулу.

Съ этого момента начинались постоянныя пререканія съ конвойнымъ офицеромъ и станціонной жандармеріей, въ особенности съ этой послѣдней. Поводовъ было много. Чаще всего изъ-за оконъ. Оказывается, начальство намѣревалось провезти насъ болѣе 8 сутокъ въ запертыхъ вагонахъ, съ завинченными окнами. Можно себѣ представить, какой воздухъ долженъ получиться при такихъ условіяхъ въ помѣщеніи вагоновъ, биткомъ набитыхъ людьми, въ большинствѣ курящими, не говоря уже о махоркѣ, тутъ же раскуриваемой конвойными...

Обращаются немедленно къ офицеру съ требованіемъ открыть окна. Онъ долго уклоняется исполнить это, то уговаривая насъ потерпѣть, пока мы не пройдемъ большіе города Европейской Россіи, то прося съ насъ общанія, что мы не будемъ пѣть и вступать въ разговоры съ публикой на станціяхъ, то, наконецъ, ссылаясь на жандарма, будто зорко слѣдящаго за нами... Въ концѣ концовъ, онъ общается на ближайшей станціи позвать слесаря и вынуть винты. Слесаря, какъ и надо было, впрочемъ, ожидать, на станціи „не оказалось“. Тогда офицеру заявили, что если окна не будутъ сейчасъ же спущены, то мы откроемъ ихъ собственными средствами, т. е. по просту переколотимъ. Послѣ такого заявленія винты немедленно были вынуты, причемъ вмѣсто отвертки были пущены въ ходъ солдатскія шашки; офицеръ, какъ и подобало ему, воодушевлялъ своихъ примѣромъ солдатъ, общее же руководство этой операціей взяли на себя арестанты. Вдохнувъ свѣжаго воздуха, арестанты, естественно, почувствовали потре-

бность запѣть, тѣмъ болѣе, что въ это время подъѣзжали какъ разъ къ сравнительно большой станціи...

Черезъ минуту громкіе, хотя и неособенно стройные звуки „Краснаго Знамени“, сопровождаемые свисткомъ паровоза, извѣстили станціонную публику о приближеніи поѣзда. Вотъ онъ остановился. Часть публики догадывается въ чемъ дѣло. Попадаютъ и такіе, которые специально вышли на вокзалъ встрѣчать партію. Небольшая кучка изъ наиболѣе смѣлыхъ обывателей, преимущественно изъ „народа“, подходитъ къ окнамъ арестантскихъ вагоновъ и немедленно завязывается бесѣда съ арестантами: что и какъ, изъ какого университета и проч. Не проходитъ 2-3 минутъ, какъ станціонные жандармы начинаютъ обнаруживать сильное безпокойство и душевную тревогу: до нихъ вѣрноподданнаго уха начинаютъ долетать изъ-за оконныхъ рѣшетокъ такіе словечки, какъ „гнусное правительство“, „царскіе опричники“, „царское беззаконіе“ и т. п. Оскорбленные въ своихъ священнѣйшихъ чувствахъ, жандармы то съ недоумѣніемъ „бдятъ глазами“ стоящихъ поодаль своихъ начальниковъ, то бросаютъ свирѣпые взгляды на бесѣдующихъ. Наконецъ, начальство нарушаетъ свое мрачное спокойствіе: жандармы рѣшительно подходятъ къ публикѣ и, смотря по костюму и виду, однихъ болѣе или менѣе вѣжливо, другихъ безцеремонно гонятъ дальше отъ вагоновъ. Одни не обращаютъ на это никакого вниманія, другіе нерѣшительно дѣлаютъ нѣскольکو шаговъ въ сторону и снова становятся на свои мѣста, третьи, наконецъ, вступаютъ въ пререканія съ охранителями, отстаивая свое право стоять, гдѣ имъ хочется. Видя замѣшательство въ публикѣ, арестанты спѣшатъ придти имъ на помощь: моментально воздухъ оглашается криками протеста, по адресу всякаго рода „начальствъ“, до высшихъ и высочайшихъ включительно, летятъ очень неслестныя слова, а публику убѣждаютъ не уступать; то и дѣло слышатся обращенія къ ней: „не трогайтесь съ мѣста“, „не робѣйте“, „не будьте баранами“, „гоните прочъ этихъ царскихъ псовъ“, „смотрите на насъ, мы арестанты, но мы не рабы, и

намъ весело“!.. Шумъ и крики усиливаются; настроеніе публики сильно поднимается, лица оживляются, слышатся различныя остроты по адресу жандармовъ и полиціи, толпа передъ арестантскими вагонами возрастаетъ, жандармерія окончательно свирѣбѣетъ и, переходя отъ словъ къ дѣлу, хватаетъ кого за шиворотъ, кого за руку, кого тычетъ ножами пашекъ... У всѣхъ возбужденіе доходитъ до высшей точки. Толпа самая разношерстная: мужчины, женщины, дѣти, старики, старухи, дамы, барышни, мужики, бабы, чиновники различныхъ вѣдомствъ, рабочіе желѣзнодорожные, черно-рабочіе, учащіеся и проч. Возмущенные въ концѣ грубымъ поведеніемъ жандармовъ, арестанты рѣшаютъ прибѣгнуть къ своему любимому и вѣрному средству въ дѣлѣ прекращенія жандармскихъ безобразій, — средству, по разсказамъ, испытанному всѣми нашими партіями на протяженіи всего пути и всегда оправдывавшему ожидаемые отъ него успѣхи. Средство это — пѣніе революціонныхъ пѣсень. Такое пѣніе прямо убійственно дѣйствуетъ на жандармовъ и прочее начальство, публикѣ же оно очень нравится, лица многихъ въ толпѣ сияютъ, собравшіеся, совершенно умолиши, напряженно слушаютъ; жандармы мечутся, какъ угорѣлые. При видѣ этихъ ошеломленныхъ баби-бузуковъ, трудно удержаться отъ смѣха, и громкій хоръ время отъ времени прерывается взрывомъ хохота...

Видѣ себя отъ волненія вбѣгаетъ то въ тотъ, то въ другой вагонъ конвойный офицеръ и всячески, иногда даже со слезами на глазахъ, проситъ, уговариваетъ, требуетъ, умоляетъ не пѣть, пока поѣздъ стоитъ на станціи; что жандармы его обвиняютъ въ распусненіи, что онъ получилъ какія-то телеграммы, инструкціи и проч. Кое-какъ, наконецъ, приходимъ къ соглашенію: пусть публику оставляютъ въ покоѣ, пусть ея не гонятъ отъ насъ, и тогда мы прекратимъ пѣніе. Обрадованный офицеръ стремительно вылетаетъ изъ вагона, подбѣгаетъ къ жандармскому начальнику или еще къ кому нибудь, оживленно жестикулируетъ, потомъ летитъ къ жандармамъ, о чемъ-то съ ними толкуетъ, тѣ въ отвѣтъ въ

полголоса повторяют нѣсколько разъ „слушаю съ“, становятся близко подъ нашими окнами, съ очень серьезнымъ видомъ, но уже никого не трогаютъ, никого не гонятъ. Такимъ образомъ, порядокъ, т. е., съ точки зрѣнія жандармовъ, „безпорядокъ“, вновь восстанавливается, и арестанты, бросивъ пѣніе, снова переходятъ къ разговорамъ съ публикой... И такъ съ каждой партіей, на каждой мало-мальски крупной станціи, всякій разъ, когда арестантскіе вагоны стоятъ въ поѣздѣ у вокзала, а не отведены на какой-нибудь изъ запасныхъ путей, далеко отъ станціи. Последняя мѣра стала съ каждой партіей все чаще и чаще примѣняться, особенно на крупныхъ станціяхъ. Впрочемъ, надо сказать, что и эта хитрость не всегда избавляла начальство отъ неприятностей, и бывали случаи, когда публика, пронюхавъ какъ-нибудь о мѣстѣ стоянки нашихъ вагоновъ, тайкомъ, по одиночкѣ и попарно, пробиралась къ намъ и, чувствуя себя здѣсь въ большей безопасности, вступала въ болѣе откровенный разговоръ.

Дѣло въ томъ, что начальство, поставивъ насъ гдѣнибудь вдали, на запасный путь, было увѣрено, что скрыло насъ отъ взоровъ публики, а потому снаряжало туда для надзора одного какого-нибудь унтера, а то и вовсе избавляло насъ отъ этого добра. Пронюхать же о насъ интересующейся публикѣ было не трудно: вѣдь вагоны наши отцѣплялись и отводились въ сторону лишь послѣ остановки поѣзда у станціи... Положимъ, на нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ станціяхъ, гдѣ, напр., арестованнымъ предстояло обѣдать, начальство поступало какъ будто хитрѣе: поѣздъ прямо пробѣгалъ сначала туда, гдѣ намъ предстояло отцѣпиться и, бросивъ насъ въ верстахъ 2—2½ отъ станціи, уже съ облегченной, такъ сказать, совѣстью направлялся впервые къ вокзалу. Но вѣдь извѣстно, что „шила въ мѣшкѣ не утаишь“, такъ и тутъ: заказанный за нѣсколько часовъ по телеграфу обѣдъ надо доставить по принадлежности, хотя бы и за 2½ версты. И вотъ, съ полдюжины буфетныхъ служителей, официантовъ и официантокъ, держа передъ собой цѣлыя горы тарелокъ, ножей, вилокъ и

проч., а также огромныя миски и блюда съ супами и жаркими, появляется на перронѣ и торжественно направляется по путямъ къ заброшеннымъ вагонамъ. Естественно, такая необыкновенная картина сразу бросается публикѣ въ глаза: нѣкоторые тутъ же молча направляются за официантами, другіе, болѣе нетерпѣливые, догоняютъ тѣхъ и спрашиваютъ, не министры ли пробѣжаютъ?... Словохотливые официанты имъ сейчасъ же объясняютъ, конечно, въ чемъ дѣло, и публика уже не отстаетъ отъ нихъ. Какъ я сказалъ, собравшаяся здѣсь публика чувствуетъ себя болѣе свободно, проситъ подробнѣе рассказать, что дѣлается теперь въ „Россіи“, жалуется, что до нея совсѣмъ не доходятъ извѣстія о тамошнихъ событіяхъ, а если изрѣдка она и узнаетъ чтонибудь, то черезъ пяты или десятыя руки. Сообщенія арестантовъ выслушиваются съ живымъ интересомъ, многіе тутъ же высказываютъ свои мнѣнія на счетъ текущей жизни. И тутъ, какъ и на станціи, кучка состоитъ изъ представителей различныхъ слоевъ населенія: бокъ-о-бокъ съ чиновникомъ стоитъ въ засаленной блузѣ рабочій въ инструментахъ въ рукахъ, рядомъ—купецъ, очень почтенной комплекціи, разсуждаетъ вытѣстѣ со стрѣлочникомъ о политикѣ, а ихъ случайныя слушательницы — деревенскія бабы съ ребятишками, жены чиновниковъ, или какая-нибудь расфранченная барыня — слушаютъ, вставляютъ иногда свои замѣчанія, а въ сомнительныхъ случаяхъ обращаются за разъясненіями къ арестантамъ, которые даютъ ихъ съ полной готовностью. Въ общемъ, у всѣхъ собравшихся полная непринужденность въ сужденіяхъ и свободный тонъ разговора. Слушатели сообщаютъ арестантамъ о предыдущихъ партіяхъ, что въ тѣхъ тоже всѣ чувствовали себя хорошо, всѣ были веселы, очень много имъ рассказывали и много пѣли.

Разсказы эти обыкновенно заканчивались выраженіемъ сочувствія и искренней благодарности всѣмъ арестантамъ, за всѣ ихъ сообщенія и разъясненія, за бесѣду съ ними „какъ съ равными“; „иначе“ (т. е. безъ нашихъ разсказовъ) „мы и въ могилу сошли бы такими

же дураками, какими были до сихъ поръ, а тутъ вы намъ все растолковали, какъ слѣдуетъ быть“.

Случалось, при прощаніи, къ общему хору всякихъ добрыхъ пожеланій со стороны публики, какой-нибудь „дѣдушка“, съдой, какъ дунь, внимательно слушавшій всѣ рассказы, съ улыбкой сквозь слезы, прибавлялъ: „Ничего, молодчнны, не тужите, держитесь крѣпче, все сбудется по вашему, народъ васъ будетъ помнить!..“ Оглушительное „ура!“ вырывалось изъ-за рѣшетокъ вагона въ отвѣтъ на это и тутъ же переходило въ боевые звуки „Слезами залить міръ безбрежный...“, покрывая шумъ тронувшагося поѣзда. Публика стояла на мѣстѣ въ какомъ-то праздничномъ настроеніи и усердно махала платками и шапками вслѣдъ убѣгающимъ вагонамъ; любопытные ребятишки, не понимая въ чемъ дѣло, но услышавъ „ура“ и пѣніе, тоже радостно подпрыгивали на своихъ мѣстахъ.

Иногда, во время бесѣды съ публикой, какой-нибудь чиновникъ, или просто прилично одѣтый господинъ, или, наконецъ, барыня или барышня, — исчезали изъ кучки и возвращались вновь съ большей или меньшей суммой денегъ съ просьбой принять ихъ „отъ невѣстныхъ“. Такие случаи бывали и тогда, когда вагоны наши не отцѣплялись, а стояли у вокзала, при чемъ иной разъ проходили даже курьеры, но объ этомъ ниже, а пока небезынтересно, я думаю, будетъ рассказать, какъ держался конвой съ нами вообще, т. е. во всѣхъ партіяхъ и на всемъ пути.

Прежде всего нужно замѣтить, что для нашихъ партій конвойныя команды экстренно были вытребованы чуть ли не съ полъ-Россіи. Это и понятно, такъ какъ команды московскія и сибирскія слѣдуютъ съ обычными очередными партіями, да къ тому же ихъ было совершенно недостаточно для такого экстраординарнаго случая. Среди этихъ, поторо собравшихъ командъ, каждая со своимъ офицеромъ, конечно, были и такія, которымъ и раньше нерѣдко приходилось сопровождать политическихъ, но были и такія, которыя до этого и понятія не имѣли о политическихъ арестантахъ. Среди офицеровъ попадались вся-

кіе: и болѣе порядочные, и менѣе порядочные, и болѣе бурбонистые, и менѣе бурбонистые, но въ общемъ и цѣломъ, какъ разсказывали, всѣ они держались съ арестантами очень тактично, были вполне вѣжливы, корректны, — словомъ, добросовѣстно исполняли свои обязанности, но особаго усердія не проявляли: *жандармомъ* никто изъ нихъ не былъ, да оно и понятно: офицеромъ при желаніи можетъ быть каждый, но жандармомъ съ его подлой натурой нужно родиться... Да, наши офицеры *не были жандармами*, но.. и только. Однако *это сильно тревожило правительство. Мы воочію убѣдились*, что царское правительство и офицерамъ мало довѣряетъ, и ихъ подозреваетъ въ сочувствіи къ своимъ врагамъ — политическимъ, и ихъ считаетъ уже „неблагонамѣренными“, или, по крайней мѣрѣ, недостаточно „благонамѣренными“. Еще разъ: бѣдный Ника, несчастный Милуша! Неужели ты думаешь, что одни твои жандармы, съ которыми ты теперь цѣлуешься, спасутъ тебя и русское самодержавіе?!.. Впрочемъ, ты вѣдь ровно ничего не думаешь!..

Но оставимъ Нику и вернемся къ офицерамъ. Каждую изъ нашихъ партій сопровождалъ офицеръ, причемъ въ Челябинскѣ и Красноярскѣ проходила смѣна одного конвоя другимъ. Какъ я сказалъ, правительство теперь и офицеру не довѣряетъ, и вотъ, для надзора уже *за нимъ*, а не за нами, въ качествѣ шпіона, но въ формѣ и насколько не скрываясь, сопровождалъ каждую партію на всемъ пути какой-нибудь жандармскій офицеръ или унтер-офицеръ, помѣщавшійся всегда въ сосѣднемъ вольномъ вагонѣ, непосредственно слѣдовавшемъ за арестантскимъ вагономъ, и при томъ съ того конца его, гдѣ находилось офицерское отдѣленіе. На тѣхъ участкахъ, гдѣ шпіонитъ приставляли офицера, ему давали особый служебный вагонъ, и онъ занималъ его одинъ; когда же сажали унтера, то ему особаго вагона, конечно, не давали, а помѣщали въ сосѣднемъ III классѣ. Итакъ, офицеры со своими командами конвоировали насъ, а ихъ самихъ конвоировали жандармы... Пусть не подумаетъ кто-нибудь, что тутъ была простая случайность,

что быть может жандармы ѣхали по своимъ дѣламъ. Нисколько! Во первыхъ, они аккуратно доносили по телеграфу, куда имъ было приказано, о всѣхъ крупныхъ, мелкихъ и мельчайшихъ фактахъ, касающихся арестантовъ и конвоя; доносили на конвойныхъ офицеровъ, о ихъ поведеніи, объ обращеніи ихъ съ арестантами, объ отношеніи ихъ къ нимъ и т. д. Во вторыхъ, время отъ времени шпионы врывался внезапно въ помѣщеніе конвойнаго офицера, съ цѣлью, очевидно, въ чемъ нибудь его накрыть (?). Въ третьихъ, эти шпионы дѣлали попытки какъ нибудь пробраться и къ арестантамъ, но это имъ не удавалось: если то были унтеры, то они въ концѣ концовъ все же не осмѣливались сдѣлать это, зная напередъ, что ихъ попросту пошлютъ къ чорту; а офицеровъ-шпионовъ предупреждали черезъ конвойныхъ начальниковъ, что въ ихъ же интересахъ предлагаютъ имъ не входить въ помѣщеніе арестантовъ, если не хотятъ нарваться на скандалъ и быть освищенными въ присутствіи всего конвоя. Послѣ этого, чтобы хоть чѣмъ нибудь себя утѣшить, наши шпионы пробовали иногда во время остановокъ снаружи подойти къ окнамъ; но достаточно было, чтобы кто нибудь изъ арестантовъ это замѣтилъ, какъ черезъ минуту пронзительный свистъ, крики „долой!“, въ перемежку съ разными остротами, гнали ихъ прочь отъ оконъ, и они, какъ мыши, поспѣшно скрывались въ свои норы. Впрочемъ, нашелся среди нихъ одинъ офицеръ, который, отойдя въ сторону на нѣсколько шаговъ и выпрямившись, сталъ упорно разглядывать шумѣвшихъ арестантовъ, — „зачинщиковъ“ искалъ, надо полагать, — дѣлая при этомъ видъ, что крики его нисколько не смущаютъ. Но тутъ, дѣйствительно, нашелся „зачинщикъ“: схвативъ кусочекъ колбасы и высунувъ его за рѣшетку противъ жандарма, онъ сталъ посплывать ему такъ, какъ обыкновенно зовутъ собакъ, маня его къ себѣ колбасой. Но жандармъ, видимо, былъ сытъ, ибо, не польстившись на колбасу, тотчасъ же скрылся...

Шпионство жандармовъ, ихъ постоянные доносы не могли, конечно, не возмущать конвойныхъ офицеровъ во-

обще, но ихъ особенно оскорбляло, когда къ нимъ въ кушъ, совершенно неожиданно, безъ всякаго доклада, вривался какой нибудь унтеръ, и молча простоявъ нѣсколько минутъ, осмотрѣвъ всѣ углы, уходилъ прочь. Положимъ, онъ при этомъ заявлялъ, что дѣлаетъ это по долгу службы, и руки не снускалъ все время отъ козырька, но вѣдь достоинство *офицера* при этомъ все-таки страдало... Что касается конвойныхъ солдатъ, то за исключеніемъ немногихъ отдѣльных личностей въ той или иной командѣ, всѣ они оказывались очень симпатичными ребятами, быстро сдружались съ „преступниками“ и „врагами“, очень охотно и подробно рассказывали про свое житье-бытье, про свои горести и радости, но еще съ большей охотой и живѣйшимъ интересомъ выслушивали все, что имъ говорили и поясняли арестанты; но что имъ особенно нравилось, такъ это резолюціонныя пѣсни, которыя распѣвались всѣми партіями всю дорогу. Солдаты очень часто, бывало, просили для нихъ спѣть лишній разъ ту или другую изъ этихъ пѣсенъ, чтобы запомнить весь мотивъ; заучивъ же мотивъ пѣсни, они обыкновенно просили записать или продиктовать имъ слова. Запомнивъ нѣсколько куплетовъ той или иной пѣсни, они пользовались каждымъ случаемъ и подпѣвали арестантамъ, съ цѣлью окончательно усвоить пѣсню. Правились и заучивались всѣ наши пѣсни, но особыми симпатіями у нихъ пользовалась почему-то пѣсня: „Отречемся отъ стараго міра“... Нерѣдко можно было наблюдать такую картину. За окнами снаружи бѣснуются жандармы, разгоняютъ публику, арестанты въ отвѣтъ бурно запѣваютъ, а имъ вторятъ... конвойные!! Бывало, кто нибудь оглянется въ это время въ ихъ сторону, увидитъ, какъ солдаты, красивые и вполнѣвшие отъ старанія посплывать за хоромъ, выводятъ:

„Местъ безпощадная всѣмъ супостатамъ,

„Всѣмъ паразитамъ трудящихся массъ!

„Мщеніе и смерть всѣмъ парямъ, плутокра-
[тамъ!]

„Близокъ побѣды торжественный часъ!..

„На бой кровавый, святой и правый,
„Маршъ, маршъ впередъ, рабочий народъ!“
не удержится и съ восторгомъ крикнетъ: „Браво!“

Въ общемъ, какъ я сказала, публика относилась съ сочувствіемъ къ намъ, иногда это сочувствіе выражалось въ чемъ нибудь матеріальномъ, напр., въ передачѣ нѣкоторой суммы денегъ и проч. Но бывали при этомъ и курьезы. Вотъ останавливается поѣздъ на какой-то станціи, не особенно крупной, да при томъ же въ предѣлахъ Сибири уже. Публика, по обыкновенію, сосредоточивается передъ арестантскими вагонами, начинаются разговоры. Какой-то Китъ Китьчъ, не то „по мучной части“, не то „по мясной“, осторожно и медленно проходитъ подъ окнами, нерѣшительно и робко бросая любопытные взоры въ сторону арестантовъ, не переставая въ то же время лущить подсолнухи. Проходитъ разъ, проходитъ два и три раза. По всему видно, что его сильно подмываетъ заговорить со „студентами“. Наконецъ, не выдерживаетъ: остановившись и снявъ шапку, низко кланяется. Замѣтившіе его арестанты весело здороваются съ нимъ. Вслѣдъ за этимъ, уже окончательно набравшись духу, онъ начинаетъ что то говорить, но изъ-за общаго шума ничего нельзя разобрать; вскорѣ, однако, это удается: почтенный Китъ очень интересуется, изъ-за чего и съ чего начались теперь „бунты“. Ему стараются, по возможности, втолковать это. Китъ начинаетъ вникать въ „суть“, довольная улыбка все больше расплывается по его лицу, и онъ оживленно киваетъ своей сѣдой головой, давно уже переставъ гримзть сѣмечки.

— „А позвольте васъ, почтенные, обезпеконть вотъ насчетъ чего: неужто законы, примѣрно сказать, можетъ, кромѣ царя, еще кто нибудь издавать?“

И ему опять подробно объясняютъ, какъ это должно быть, какъ это въ другихъ странахъ и теперь происходитъ...

— „Но только мало вѣдь васъ, голубчики вы мои, никто васъ не понимаетъ, народъ ужъ очень темень у насъ“, продолжаетъ соболѣзновать купецъ. „Вѣдь вотъ вы не по-

гнушались, потрудились объяснить мнѣ, теперь я и самъ вижу, что дѣло ваше правое, а кругомъ вѣдь темнота! Хе-хе-хе! слышу, что бунтуютъ, а изъ-за чего это люди все бунтуютъ, никто и понять не можетъ... Оченно и препокорно вамъ благодаренъ, господа ученые“... и т. д.

При этомъ рука его опускается въ карманъ, и оттуда появляется полная горсть мѣдяковъ:

— „Не извольте отказываться... отъ мужика, отъ необразованнаго, ужъ будьте добры, отъ всего сердца предлагаю“...

Денегъ у него не берутъ, но совѣтуютъ все имъ здѣсь услышанное рассказывать всюду своимъ знакомымъ, открывать имъ глаза на „бунты“ и „бунтовщиковъ“. Купцу очень нравится эта миссія, его красное мясистое лицо все покрывается улыбкой, и медленно отходя отъ оконъ, онъ продолжаетъ усленно кланяться арестантамъ, держа все еще шапку въ рукѣ...

Но примѣры сочувствія были и иного рода, носившіе вполнѣ определенный, сознательный характеръ. Такъ, рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ одной изъ крупныхъ станцій, гдѣ, кромѣ мастерскихъ, существуютъ и другіе заводы, ни одной изъ нашихъ партій не пропускали безъ того, чтобы не устроить имъ сочувственныхъ проводовъ.

Но зная, вѣроятно, по опыту, что этого имъ не удастся устроить на самой станціи, они придумали такой остроумный способъ. Запасшись красными флагами, платками, а то и просто кусками красной матеріи, они, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, размѣшались въ пустыхъ товарныхъ вагонахъ, вдаль отъ станцій, мимо которыхъ долженъ прослѣдовать поѣздъ. Замѣтивъ или услышавъ приближеніе послѣдняго, рабочіе моментально раздвигали двери вагоновъ, и радостное, громогласное „ура“ изъ одного вагона перебрасывалось въ другой, и тутъ же масса красныхъ значковъ мелькала въ воздухѣ. Не смотря на быстрый ходъ поѣзда въ этомъ мѣстѣ, удавалось все же обмѣняться всякій разъ цѣлой серіей взаимныхъ привѣтствій, пожеланій, а также демонстративныхъ возгласовъ, вродѣ: „долой само-

державі“, „да здравствуетъ политическая свобода“, „да здравствуетъ политическая борьба“ и т. д. Крики „ура“ и торжественное пѣніе какой-нибудь революціонной пѣсни долго не смолкали и послѣ того, какъ уже далеко, далеко оставались позади эти вагоны съ особымъ живымъ революціоннымъ „товаромъ“.

Такая же встрѣча была устроена нѣкоторымъ партіямъ въ Красноярскѣ, но тутъ публика состояла уже не изъ однихъ только рабочихъ, а была смѣшанная: рабочіе и болѣе демократическая часть городской молодежи.

Послѣ того, какъ первая партія прошла отъ вокзала въ тюрьму городомъ, начальство сообразило, что направлять такимъ же путемъ и послѣдующія партіи (обыкновенно партіи идутъ городомъ), неудобно и, пожалуй, даже не безопасно. Чтобы избѣжать сенсаціи, а чего добраго и демонстраціи, начальство избрало новую, спеціально для нашихъ партій, дорогу. Этимъ оно еще разъ пыталось обмануть бдительность тѣхъ изъ горожанъ, которые вздумали бы въ той или иной формѣ выразить свое сочувствіе жертвамъ царскаго деспотизма и протестъ противъ этого самаго деспотизма... Новая хитрость и, увы!.. новая неудача. Придумано было, правда, недурно, но... опять таки „шила въ мѣшкѣ не утаишь“. Такъ какъ тюрьма стоитъ на самомъ краю города, гдѣ начинаются ужъ поля, то рѣшено было проводить партіи въ тюрьму именно этими полями. Для этого вдали отъ вокзала, даже за семафоромъ, съ высокой на этомъ мѣстѣ насыпи были наскоро сдѣланы лѣсенки, по которымъ можно было бы съ полотна сойти внизъ. И тутъ то, среди пустого поля, въ виду самой тюрьмы, въ какихъ нибудь 30 минутъ ходьбы отъ нея, высаживали партію изъ вагоновъ. Внизу, подъ лѣстницей, къ этому времени бывало уже все готово: мѣстный конвой со своимъ начальникомъ во главѣ, отрядъ конныхъ казаковъ, полицеймейстеръ и еще какія то темныя личности, повидимому, сыщики. Вотъ партія спустилась внизъ, вся, ее пересчитали, оцѣнили двойной цѣнью, раздалась чья то команда: „впередъ“ и шествіе, во главѣ съ поли-

Студенты и конвой на вокзалѣ.



цеймейстеромъ, мѣрно трепещущъ путь. Кругомъ никого нѣтъ; утомленные долгимъ путешествіемъ арестанты далеко не сразу затягиваютъ пѣсню. Всѣмъ хочется поскорѣй добраться до тюрьмы, отдохнуть, повидаться съ товарищами. Но свободныя и нелестныя для начальства шутки и остроты не перестаютъ сыпаться изъ устъ арестантовъ. Больше всего вызываютъ смѣха казаки своимъ свирѣпымъ видомъ, въ какихъ-то невѣроятно огромныхъ азиатскихъ папахъ. Кое-кто изъ арестантовъ пускаетъ въ ходъ свой фотографическій аппаратъ и снимаетъ этихъ звѣроподобныхъ башки-бузуковъ. Но вотъ невдалекѣ откуда-то выросла кучка ребятишекъ, тутъ же немного подбѣжала къ намъ, похлопала въ ладоши, попрыгала на одной ножкѣ и куда-то скрылась. Никто, кажется, на нихъ не обратилъ вниманія...

Здѣсь я долженъ замѣтить, что мѣстность, по которой приходилось идти, довольно волнистая, попадаются холмики, рѣчущка, мостики...

Черезъ минуту показалась другая кучка, но уже не изъ однихъ мальчишекъ, а съ нѣсколькими взрослыми впереди; тамъ еще, еще и еще. Арестанты начинаютъ понимать, что сіе означаетъ, да и начальство замѣтно насторожилось... Смотримъ, то изъ-за холмика, то изъ подъ моста, то еще откуда нибудь выбѣгаютъ кучки людей и незамѣтно окружаютъ партію кольцомъ. Минуть черезъ 5 въ полѣ уже можно было насчитать отъ 200 до 250 человѣкъ народу. Раздаются крики привѣтствія по адресу арестантовъ, машутъ платками, подбрасываютъ въ воздухъ шапки; арестанты въ отвѣтъ продѣлываютъ то же, на что раздается дружное и громкое „ура“ со стороны публики. Арестанты отвѣчаютъ тѣмъ же, и съ этой минуты привѣтствія, крики „ура“ и разные „преступные“ возгласы не прекращаются до самыхъ воротъ тюрьмы. По мѣрѣ приближенія партіи къ тюрьмѣ, толпа растетъ и все плотнѣе окружаетъ партію; со всѣхъ сторонъ стараются какъ-нибудь проникнуть за цѣпь конвоя, пройтись немного вмѣстѣ съ арестантами, но казаки ихъ отбрасываютъ всякій разъ въ сторону. Кое-кому удается, однако, настолько при-

близиться, что может просунуть руку къ арестантамъ и, захватившись, пожать руку нѣкоторымъ изъ нихъ. Начальство сильно волнуется. Казаки съ мрачнымъ видомъ ждутъ только приказаній. Конвойный начальникъ съ растеряннымъ видомъ то обращается къ арестантамъ съ требованіемъ прекратить крики и идти быстрее, то къ публикѣ — разойтись подальше отъ конвола. Полицеймейстеръ старается угрозами разогнать публику, предупреждая о неприятныхъ послѣдствіяхъ. Съ той или другой стороны кучка при этомъ немного отступаетъ, но потомъ снова набѣгаетъ. Нѣсколькимъ смѣльчакамъ такъ-таки удалось однажды прорваться черезъ цѣпь, ихъ хотѣли схватить, но они моментально вылетѣли и пустились бѣжать. Два-три казака помчались за ними въ тотъ моментъ, когда тѣ уже успѣли куда-то скрыться. Партія не захотѣла идти дальше, произошло еще большее замѣшательство, „порядокъ“ грозилъ окончательно нарушиться. Кое-какъ отозвали разскакавшихся баши-бузукъ, такъ и вернувшихся ни съ чѣмъ. Сцена была въ высшей степени уморительная! Одинъ арестантъ не удержался, чтобы не увѣковѣчить на фотографической пленкѣ бѣшено скачущихъ казаковъ.

Уголовные арестанты, замѣтивъ приближеніе партіи, обыкновенно тотчасъ же сообщали объ этомъ ранѣе прибывшимъ политическимъ, а сами тутъ же облѣпляли всѣ окна, выходящія въ поле, и тоже, съ своей стороны посылали разныя привѣтствія.

Вотъ, наконецъ, партія подошла къ самымъ воротамъ, которыя уже давно широко и гостепріимно распахнулись передъ арестантами; начальство уже хотѣло свободно вздохнуть, предвкушая сладость избавленія отъ публики и благополучной сдачи арестантовъ тюремной администраціи; но партія, передъ самымъ входомъ въ ворота, еще разъ останавливается; публика окружаетъ ее уже вплотную. Начинаются съ обѣихъ сторонъ громкія прощанія, пожеланія и проч. Кричатъ ура, машутъ платками... Не прекращая пѣнія, арестанты скрываются за воротами, которыя захлопываются передъ возбужденной публикой. Только

тутъ, осмотрѣвшись, арестанты всякій разъ замѣчаютъ, что ихъ полку прибыло: не проходило безъ того, чтобы полицеймейстеръ, уже у самыхъ воротъ, не выхватилъ случайныхъ 2-3 человекъ и не продержалъ потомъ дня 3-4 въ части...

Теперь я долженъ разсказать еще кое-что специально о крестьянахъ. Проѣзжая по Сибири, уже далеко за Ураломъ, почти на каждой маленькой станціи можно было встрѣтить цѣлыя толпы крестьянъ, прибывшихъ изъ голодающихъ мѣстностей (въ прошломъ году опять былъ сильный неурожай въ Сибири) за полученіемъ обѣщанной ссуды на продовольствіе и обѣмѣнѣ. Но, какъ это у насъ обыкновенно бываетъ, крестьяне, со своими подводами простаивали у станціи, подъ открытымъ небомъ, по цѣлымъ днямъ, иногда недѣлю и даже больше и сами голодные, и лошади голодныя, не зная къ кому, собственно, обратиться, гдѣ добиться толку. А тамъ, дома, семья голодаетъ, дѣти безпрестанно ѣсть просятъ... Въ толпѣ крестьянъ всегда можно было встрѣтить, какъ коренныхъ сибиряковъ, такъ и мужиковъ, сравнительно недавно переселившихся изъ Россіи. Нельзя было сразу не замѣтить, какъ сильно отличается своимъ духовнымъ обликомъ, настроеніемъ и, наконецъ, своимъ болѣе бодрымъ внѣшнимъ видомъ сибирскій мужикъ отъ русскаго. Первый энергичнѣе, смѣлѣе, находчивѣе, вдумчивѣе и смѣлѣе, чѣмъ второй. Въ разговорахъ съ нами первые больше интересовались, больше разспрашивали и дѣлали болѣе толковыя замѣчанія. Сибиряки всегда высказывались болѣе независимо и свободно, несмотря на присутствіе жандармовъ, чѣмъ переселенцы. И что замѣчательно, они сами прекрасно сознавали свое превосходство во всѣхъ отношеніяхъ надъ переселенцами и не скрывали своего пренебрежительнаго отношенія и даже нѣкотораго презрѣнія къ нимъ. Обыкновенно, когда въ бесѣдѣ съ ними, рѣчь заходила о разныхъ беззаконіяхъ, о народномъ безправіи, о произволѣ властей и покорности и безотвѣтственности крестьянъ, между сибиряками и „русскими“ всегда возгорался споръ. Начинались

взаимныя нападкы и обвиненія въ трусости, холопствѣ и проч., и приводились различные „случаи“, т. е. факты изъ повседневной жизни. Постороннему слушателю нетрудно было замѣтить, какаѣ изъ спорящихъ сторонъ тутъ права.

Однажды произошла такая сцена. У станціи, вдоль полотна, стоитъ толпа такихъ крестьянъ — кто съ палкой, кто съ дубиной, кто просто съ кнутовищемъ въ рукахъ. Завязывается разговоръ, обычные рассказы, разспросы, сообщенія и проч. — все выслушивается съ возрастающимъ интересомъ и выраженіемъ сочувствія. Но вотъ рѣчь заходитъ о новыхъ земляхъ, о помѣщикахъ. Одинъ изъ арестантовъ сообщаетъ крестьянамъ, что правительство хочетъ лучшія земли въ Сибири громадными участками раздать потомственнымъ дворянамъ, чтобы создать въ Сибири помѣщиковъ. Едва онъ успѣлъ это высказать, какъ произошло нѣчто совершенно неожиданное и трудно описуемое. Толпу, точно порохъ отъ искры, взорвало это сообщеніе. На перебой другъ передъ другомъ съ жаромъ спрашиваютъ мужики: „А какъ же мы?..“ „Что же съ нами хотѣтъ дѣлать?..“ „Намъ, стало быть, баръ на шею хотѣтъ напосажать?“ и т. д. „А что же останется переселенцамъ тутъ?“ спрашивали въ свою очередь „русскіе“. Имъ отвѣчаютъ, что имъ останется только батрачить на дворянъ, т. е. новымъ то помѣщикамъ вѣдь нужны будутъ батраки. Еще большее бѣшенство охватило крестьянъ. Палки, дубины, кнуты и просто кулаки поднялись и затряслись въ воздухѣ. „Нѣтъ, не бываетъ этому!.. Чтобы мы опять работали на помѣщиковъ! Да мы ихъ, псовъ, лучше на куски разорвемъ, чѣмъ стать опять ихъ батраками!“ бѣшенно заревѣла толпа, и вмѣстѣ съ тѣмъ потокъ отборной брани и проклятій полился изъ устъ ея по адресу и дворянъ, и богачей, и министровъ, и „самого идола царя“.

Когда толпа немножко опомнилась нѣкоторые изъ арестантовъ замѣтили мужикамъ, что вотъ они сейчасъ гудятъ, а чуть власти подойдутъ, такъ они, пожалуй, и хвосты подожмутъ. Толпа опять зашумѣла, но тутъ

выступили впередъ нѣсколько пожилыхъ крестьянъ съ очень выразительными и умными лицами и обратились къ арестантамъ:

— „Это правду вы, господа, сказали, много еще въ насъ холопства, забить ужъ очень народъ, темень, ни о чемъ онъ понятія не имѣетъ, ну и голодаетъ, околѣваетъ, а покорствуетъ передъ начальствомъ!“. Затѣмъ, повернувшись къ русскимъ: „вотъ особенно эти, чуть завидятъ урядника или тамъ крестьянскаго (начальника) что ли, такъ сейчасъ гнутся, чуть не къ самымъ ногамъ подгибаются и шапку совсѣмъ прочъ; а повыше начальство, такъ ужъ лучше не поминай! Рабы вы, вотъ что!“ какъ то неожиданно оборвалъ свою рѣчь одинъ изъ ораторовъ, обращаясь съ обличеніемъ къ особенно трусливымъ.

Тѣхъ это задрѣло за живое, они начали оправдываться, храбриться. Поднялся споръ, возбужденіе снова вспыхнуло. Въ эту минуту раздался свистокъ и поѣздъ тихо тронулся съ мѣста. Единственный жандармъ, присутствовавшій тутъ съ самаго начала этой сцены, мрачно и злобно смотрѣлъ на всю толпу, но особенно зорко слѣдилъ за наиболѣе выдвинувшимися ораторами. Онъ, повидимому, чего-то ждалъ. И дѣйствительно, какъ только вагоны двинулись съ мѣста и крестьяне начали благодарить арестантовъ и дружески прощаться съ ними, онъ быстро сорвался съ мѣста, налетѣлъ на одного изъ говорившихъ и уже схватилъ было, чтобы потащить. Но... не тутъ то было: вся толпа, забывъ въ эту минуту свои споры и пререканія, моментально бросилась на него, вырвала арестованнаго мужика, а самого жандарма стала выталкивать вонъ... Дальнѣйшихъ моментовъ этой сцены не пришлось наблюдать, такъ какъ рѣшетка не давала возможности высунуть голову изъ окна...

Я ограничусь здѣсь рассказаннымъ и не буду подробно описывать пребыванія въ Красноярской тюрьмѣ, гдѣ дальнѣйшая отправка была приостановлена изъ-за

сибирскихъ рѣкъ, главнымъ образомъ изъ-за Ангары, которая очень долго не вскрывалась въ этомъ году.

Тѣмъ изъ арестантовъ, которымъ предстояло поселиться въ Иркутской губ. и Якутской области, пришлось прожить здѣсь цѣлый мѣсяцъ при ужасающей грязи, тѣснотѣ и другихъ антигигиеническихъ условіяхъ — особенно первые двѣ-три недѣли. Подъ конецъ, послѣ цѣлаго ряда жалобъ, протестовъ и заявленій, удалось нѣсколько упорядочить эти условія. Въ самомъ началѣ двое — студентъ и курсистка — заболѣли тифомъ, и едва удалось спасти ихъ отъ смерти. Насъ держали въ какомъ-то ужасномъ клоповникѣ; спали въ повалку прямо на грязныхъ и голыхъ нарахъ, безъ какихъ бы то ни было постельныхъ принадлежностей. Только по прошествіи трехъ недѣль, удалось кое какъ добиться того, что нары убрали прочь, помыли полы, поставили койки и дали сѣнники и одеяла.

Останавливаясь на всемъ этомъ я не буду, тѣмъ болѣе, что кое-гдѣ въ нелегальной печати уже появились описанія этихъ безобразій. Закончу свой рассказъ одной исторіей, имѣвшей мѣсто въ Александровской пересыльной тюрьмѣ. Тюрьма эта находится въ 14 верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи Тельма, Иркутской губ.

Дѣло въ томъ, что, несмотря на мѣсячное пребываніе въ Красноярской тюрьмѣ и неоднократное письменное и по телеграфу обращеніе къ Иркутскому губернатору и генераль-губернатору и, наконецъ, къ Якутскому губернатору, студенты не получили никакого удовлетворительнаго отвѣта относительно мѣста своего назначенія. Начальство почему-то рѣшило держать это въ тайнѣ до самой послѣдней минуты. Тутъ надо замѣтить, что *обыкновенно*, по прибытіи въ Красноярскую тюрьму, всѣ политическіе всегда узнавали тутъ же въ конторѣ мѣста назначенія, съ точнымъ указаніемъ губерніи, уѣзда и села. Понятно, что такая таинственность на этотъ разъ, и при томъ по отношенію къ студентамъ, сильно томила и раздражала послѣднихъ, особенно, такъ называемыхъ, „якутянъ“, для которыхъ очень *важно* и прямо *необходимо* было *заранѣе* знать, въ какомъ изъ



Бунтъ студентовъ въ Александровской тюрьмѣ (въ 60 в. отъ Иркутска).

округовъ дикой „Якуткѣ“ имъ назначено жить. Между тѣмъ начальство упрямно отказывалось сообщить имъ это. Кто-то изъ мѣстной администраціи нѣсколько успокоилъ студентовъ, увѣривъ ихъ, что по прибытіи въ Александровскую тюрьму они навѣрное узнаютъ мѣста назначенія. Каково же было ихъ разочарованіе и негодованіе, когда имъ и тамъ отказались сообщить что-либо объ ихъ дальнейшей участи! Они потребовали отъ начальника тюрьмы снестись по этому поводу съ губернаторомъ по телеграфу. Начальникъ общалъ. Въ ожиданіи отвѣта рѣшено было до 12 час. слѣдующаго дня ничего не предпринимать. Къ назначенному сроку никакого отвѣта не послѣдовало. На приглашеніе явиться для объясненія начальникъ отвѣтилъ отказомъ. Тогда, выславъ подъ разными предлогами всѣхъ надзирателей изъ камеры и со двора, всѣ политическіе — курсыткы, студенты и не-студенты, — рѣшили запереть ворота и никого къ себѣ не пускать, пока имъ не объявятъ, кто куда назначенъ. Ворота заперли, забаррикадировали досками и бревнами. Надъ воротами водрузили на высокомъ флагштокѣ громадный красный флагъ, разставили часовыхъ и стали ждать. На требованіе начальника открыть немедленно ворота — послѣдовалъ отказъ. Явились казаки, повторили то же требованіе, студенты отвѣтили своими требованіями, начались угрозы, раздался даже выстрѣлъ въ воздухъ, но ничего изъ этого не вышло, никто не тронулся съ мѣста, въ отвѣтъ лишь раздалось пѣніе революціонной пѣсни. Такъ прошло три дня; никто не славался. Пищу политическимъ доставляли уголовные арестанты черезъ дыру въ заборѣ съ другой стороны двора. Начальникъ посылаетъ телеграмму (вмѣсто той, которую общалъ студентамъ), что „политическіе устроили бунтъ, какъ ему поступить“. Отвѣчаютъ: „Крутыхъ мѣръ не принимать, дѣйствовать мирно“. Вслѣдъ за этимъ пріѣзжаетъ изъ Иркутска вице-губернаторъ (Булатовъ). Узнавъ о его пріѣздѣ, начальникъ еще разъ бѣжитъ къ запертымъ воротамъ и объявляетъ, что пріѣхалъ вице-губернаторъ и желаетъ съ ними говорить, а потому пусть откроютъ ворота, чтобы

впустить его и вице-губернатора. Ему отвѣчаютъ, что воротъ открыть они не могутъ, а если вице-губернаторъ имѣетъ что-либо объявить, то пусть подойдетъ къ воротамъ. Такой способъ переговоровъ, видимо, сильно не правится его превосходительству, но дѣлать нечего, приходится покориться. Подходить. Первымъ долгомъ пускаются въ ходъ угрозы, въ родѣ лишенія продуктовъ, воды и проч., но это не дѣйствуетъ. Тогда онъ сразу мѣняетъ тонъ и очень мягко заявляетъ, что вотъ-де онъ хотѣлъ съ ними поговорить, а они лишаютъ его этой возможности. Ему указываютъ на маленькую дыру въ нижней части воротъ, черезъ которую и до него велись всѣ переговоры. Хотя дыра и очень низка, да при томъ еще въ это время начался дождь, тѣмъ не менѣе, бѣдный нашъ помпадуръ опускается на корточки, и бесѣда завязывается. Почтенный бюрократъ прежде всего жалуется на то, что ему очень неудобно такъ говорить; ему съ другой стороны воротъ отвѣчаютъ, что вполне его понимаютъ, ибо имъ и самимъ не менѣе неудобно, но, къ сожалѣнію, они не могутъ устроить болѣе удобнаго свиданія съ нимъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ, истощивъ всѣ доводы, вице-губернаторъ даетъ обѣщаніе послать отъ себя телеграмму Якутскому губернатору, съ запросомъ относительно мѣстъ назначенія.

На другой день является опять, уже съ отвѣтной депешей въ рукахъ, увѣряя, что Якутскій губернаторъ сообщилъ все, что могъ. Его впускаютъ, наконецъ, въ ворота и въ камеру. Въ депешѣ, дѣйствительно, указаны мѣста назначенія, но только нѣкоторыхъ, очень немногихъ, относительно же всѣхъ остальныхъ Скрипичинъ (Якутскій губернаторъ), сообщаетъ, что онъ самъ выйдетъ встрѣчать партію въ Олекминскъ, т. е. желаетъ лично познакомиться и поговорить со всей партіей и распределить ее въ южныхъ округахъ Якутской области, сообразно съ возможностью каждаго найти себѣ подходящий заработокъ.

Дня черезъ два послѣ этого партія съ громкимъ пѣніемъ двинулась, вмѣстѣ съ уголовными, сопровождае-

мая черезъ все село мѣстнымъ населеніемъ, очень опредѣленно выражавшимъ свое глубокое сочувствіе политическимъ.

Партія направилась пѣшымъ этапомъ на пристань Качугу на Ленѣ, гдѣ была посажена на паузки.

Въ Олекминскѣ губернаторъ дѣйствительно встрѣтилъ студентовъ и распредѣлилъ ихъ въ двухъ округахъ — Олекминскомъ и Якутскомъ, и тутъ же предложилъ имъ занять мѣста каждому по своей специальности: фельдшеровъ, фельдшерницъ, акушеровъ, волостныхъ писарей и проч.

Долго ли Якутка будетъ пользоваться такимъ неожиданнымъ обиліемъ интеллигентныхъ служащихъ — это вопросъ ближайшаго будущаго, и я на немъ заканчиваю свой рассказъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Какъ правительство торгуется со студентами.

Самодержавное правительство, совершивъ цѣлый рядъ гнусныхъ насилій и жестокостей надъ представителями того или другого слоя населенія, иной разъ чувствуетъ потребность проявить какую-нибудь „милость“; при этомъ часто, для пущей важности, объявляется она въ видѣ „манифеста“, „рескрипта“, или чего-нибудь въ этомъ родѣ, подъ которымъ дегенератъ Императоръ обязательно ставитъ свой штемпель, въ перемежку съ высказываніями, каторжными работами и проч., смотря, что подсунуть. По большей части эти „милости“ выпадаютъ—поскольку они выпадаютъ—на долю студентовъ. На сцену являются „помилованія“, „прощенія“, „сердечное попеченіе“, „родительское сердце“ и прочія глупости, вылетающія изъ высочайшей шарманки.

Почему именно къ студентамъ проявилось такое состраданіе со стороны правительства, это мы ниже увидимъ, но сначала здѣсь лишній разъ отмѣтимъ, какое впечатлѣніе производили эти лицемѣрные, лживыя заявленія правительства на такъ называемое „общество“, т. е. либерально-радикальные слои населенія, которые особенно возмущаются крутой расправой именно со студентами. Добрые и незлопамятные наши либералы, всякій разъ, какъ только „съ высоты престола“ заграетъ шарманка, приходятъ въ восторгъ и умиленіе и готовятся уже холодноски „идти на встрѣчу“ кающемуся правительству. Положимъ, иногда они дѣлаютъ видъ, что продолжаютъ сердиться, это именно, когда особенно сильно передъ тѣмъ ихъ оглушили. „У! — ворчатъ они въ такихъ случаяхъ—какъ вы жестоко тогда поступили! Развѣ можно такъ?... Вѣдь вотъ же вы сами теперь признаете необходимость реформъ, между тѣмъ столько людей погубили. Вы вотъ всегда такъ!... Ну, да ужъ ладно... Что старое поминать... Слава богу, теперь ужъ

все это кончилось, и мы можемъ идти рука объ руку съ вами, отбросивъ всякое недоверіе“—заканчиваютъ либералы, исполнивъ примиренные и даже умиленные звуками шарманки. Прочь дурныя мысли, прочь сомнѣнія! На этотъ разъ дѣло серьезно поставлено. Правительство ужъ на этотъ разъ насъ не обманетъ, оно исполнитъ все, что обѣщало; оно само сознаетъ, что дальше такъ не можетъ продолжаться... Но только ужъ не надо его за это время раздражать, пусть спокойно работаетъ, а то мы своей рѣзкостью и нетерпѣливостью все дѣло испортимъ.

Такъ разсуждали наши либералы, когда, напримѣръ, появилось знаменитое „сердечное попеченіе“. И не одни либералы такъ думали; часть оппозиціоннаго студенчества тоже была тогда поколеблена и на время усыплена этими жалкими словечками. Чтобы окончательно покорить сердца либераловъ и наиболѣе податливой части студентовъ, правительство осенью того же года „манифестомъ“ вернуло отданныхъ въ солдаты студентовъ, за исключеніемъ 11 чел., пробормотавъ что-то въ свое оправданіе по поводу такого выдѣленія. Ожидаемый эффектъ получился: всѣ ляковали, и мало кто обратилъ вниманія на участь этихъ 11-ти опальныхъ; кругомъ слышалось, что *всѣхъ* вернули, *всѣхъ* „помиловали“. Но не долго длились восторги въ „обществѣ“ и среди студенчества. Либеральничанье — занятіе неприличное, а, главное, совсѣмъ неподходящее, даже неприличное, для азіатскаго самодержавія. Оно сбросило маску, о чемъ откровенно оповѣщаль „сердечный“ Ванновскій, развѣзжая зимою по университетамъ.

Бѣдные добрые либералы какъ-то растерялись, но продолжали все-таки надѣяться; студенты сразу поняли, въ чемъ дѣло: для нихъ стало ясно, что они были одурачены, что „сердечное попеченіе“ была наглая ложь. Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ, для пущаго вразумленія уповающихъ и сомнѣвающихся, появился такъ торжественно обѣщанный „временныя правила“. Свершилось! Самодержавная гора отъ незаконнаго сожительства съ либерализмомъ родила полицейско-шпіонскую мышь..

Было ясно, что эта отвратительная тварь не удовлетворить никого. Колеблющиеся и уповающие были сконфужены, огорченные либералы снова повѣсили носы. Но важно было не это. Важно было то, что студенчество, по крайней мѣрѣ, вся протестующая часть его, теперь поняла окончательно и разъ навсегда, что самодержавіе органически неспособно удовлетворить его требованіе академической свободы, что послѣдняя *несовместима* съ самодержавіемъ. Съ этого времени студенческое движеніе почти во всѣхъ университетахъ принимаетъ рѣзко политическій характеръ: убѣдившись въ невозможности добиться академической свободы при существованіи самодержавія, студенты выставили требованіе политической свободы, какъ необходимаго условія всѣхъ другихъ свободъ, въ томъ числѣ и академической.

Правительство, какъ и надо было ожидать, съ яростью напало на студентовъ, беспощадно и безъ всякаго разбора преслѣдуя и виновныхъ, и невинныхъ. Студентовъ сотнями стали приговаривать въ тюрьму, ссылать въ Сибирь. Произошли небывалыя въ исторіи студенческаго движенія явленія: массовыя сидки въ тюрьмахъ и ссылки въ Сибирь студентовъ за „безпорядки“. Особенно свирѣпо расправились съ московскими студентами: около *сорока* человекъ изъ нихъ было подвергнуто наказанію, изъ нихъ *более* *та* чел. сослано въ Восточную Сибирь, не исключая и Якутской области, остальные приговорены къ тюремному заключенію отъ 3-хъ до 6-ти мѣс., причемъ большинство оказалось полугодичниковъ. Участь студентовъ раздѣляли и курсистки и притомъ по всѣмъ степенямъ: отъ 3-хъ мѣсячнаго заключенія до Якутской области включительно.

Приговоръ объявляется, „общество“ взбудоражено, студенты же встрѣчаютъ этотъ приговоръ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, съ такимъ же пѣніемъ отправляются они въ Сибирь, дружно припаявъ вызовъ со стороны правительства.

Послѣ весенней бури вновь наступаетъ затишье, въ которомъ проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ. За это время министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ, главный герой

послѣднихъ звѣрствъ, падаетъ жертвой своихъ гнусныхъ подвиговъ, „великій реформаторъ“ Ванновскій, изнемогая подъ бременемъ предпринятыхъ „реформъ“, удаляется на покой вмѣстѣ съ своимъ „товарищемъ“, Мѣшаниновымъ. Фонъ-Плеле и Зенгеръ замѣщаютъ ихъ мѣста. Съ „реформами“ что-то не спѣшатъ и даже идутъ на понятную: даже частичныя улучшенія уничтожаются... Но вотъ снова заиграла шарманка, появился рескриптъ о „родительскомъ сердцѣ“ Ники-Милуши; снова зашкрипѣли перья въ разныхъ комиссіяхъ, въ нѣкоторыхъ университетахъ кое-кого изъ исключенныхъ студентовъ принимаютъ обратно. Но это выходитъ слишкомъ мизерно и совсѣмъ не производитъ впечатлѣнія: у всѣхъ жива въ памяти весенняя расправа со студентами, сотнями подвергнутыми тюремному заключенію, ссылки въ Восточную Сибирь. Относительно просидѣвшихъ въ тюрьмѣ можно еще пустить въ ходъ какую-нибудь хитроумную мѣру, какую-нибудь дешеную комбинацію, тѣмъ болѣе, что, отбывши срокъ сидки, они всѣ возвращаются по домамъ и становятся просто исключенными студентами, а такіе вѣдь у насъ никогда не переводились. Было да прошло—вотъ и все; можно, стало быть, и забыть о нихъ. Но какъ быть съ тѣми, которыхъ загнали въ далекую Сибирь на нѣскольکو лѣтъ? Совершенно ихъ игнорировать—невозможно: во 1-хъ, потому, что слишкомъ ихъ много тамъ, а во 2-хъ, и это самое главное, именно эта самая ссылка ихъ вызывала и теперь продолжаетъ вызывать самое ярое возмущеніе среди всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ населенія и, въ частности, среди студентовъ-товарищей. Она является теперь въ рукахъ послѣднихъ прекраснымъ агитаціоннымъ средствомъ среди учащейся молодежи. Словомъ, до тѣхъ поръ, пока студенты въ ссылкѣ, или, по крайней мѣрѣ, значительная часть изъ нихъ не возвращена оттуда, даже самого мягкотѣлаго нашего либерала не успокоишь, не прошибешь никакими „родительскими сердцами“, не говоря уже о молодежи. Итакъ, надо во что бы то ни стало и для ссыльныхъ что-нибудь сдѣлать. Но при этомъ надо, чтобы, съ одной сто-

ронъ, эффектъ получился самый сильный, вполне достойный „родительскаго сердца“, съ другой, — какъ можно дешевле стоило. Словомъ, чтобы результатъ предпріятія былъ прежде всего и больше всего выгоденъ самому же правительству. Но какъ же сдѣлать это? Думали, думали, наконецъ придумали: послали шефа жандармовъ кн. Святополка Мирскаго потроговаться со студентами, да, кстати, подъ рукой, произвести и сыскъ, понюхать, пощупать, опредѣлить степень зловѣрности того или другого изъ пребывающихъ въ ссылкѣ студентовъ.

Прежде чѣмъ описывать эту поѣздку надо указать истинныя побужденія, которые заставляютъ правительство именно по отношенію къ учащейся молодежи проявлять свою мягкосердечность и состраданіе всякій разъ послѣ цѣлаго ряда свирѣпыхъ мѣръ. *Воязы массового выступления учащейся молодежи на пути революціонной политической борьбы и желаніе какъ-нибудь отвлечь, оградить эту молодежь отъ революціонной заразы* — вотъ источникъ всякихъ „сердечныхъ попеченій“. Тщетныя, безсмысленныя усилія!... Не будучи въ состояніи, по самому существу своему, предоставить университетамъ свободу и сиздавна преслѣдуя самыми жестокими образомъ учащуюся молодежь за борьбу за эту свободу, самодержавіе само бросило ее въ концѣ концовъ въ водоворотъ революціонной политической борьбы. Студенчество уже вступило на путь политической борьбы, бросивъ мечты объ академической свободѣ при самодержавіи, и нѣтъ никакихъ основаній полагать, что оно вернется вновь къ этимъ мечтамъ. Вступивъ же на этотъ путь, оно, естественно, стремится примкнуть къ *общереволюціонному движению*, понимая невозможность отдѣльной, самостоятельной борьбы. Правительство само это констатировало нынѣшней весной въ официальномъ сообщеніи о приговорѣ надъ московскими студентами. Тамъ прямо было указано во 1-хъ, на рѣзко политическій характеръ, который приняло студенческое движеніе, а во 2-хъ, на связь студенческихъ организацій съ „существующими революціонными кружками“.

Въ добрый часъ! — можемъ мы съ своей стороны

сказать студентамъ. Бебеля, какъ извѣстно, послѣ отмены исключительнаго закона противъ социалистовъ, благодарилъ въ рейхстагѣ Бисмарка за то, что его законъ далъ мощный толчекъ развитію германской социаль-демократіи. Русская учащаяся молодежь, въ этомъ смыслѣ, тоже можетъ поблагодарить самодержавное правительство за то, что оно вывело ее, наконецъ, на вѣрный путь борьбы.

Перейдемъ теперь къ Святополку-Мирскому и его благородной миссіи. Какъ видно изъ сообщеній студентовъ, при первыхъ бесѣдахъ съ ними Святополкъ былъ болѣе наивенъ, болѣе цинично выставляя цѣль своего объѣзда, въ послѣдующихъ, по мѣрѣ знакомства съ настроеніемъ студентовъ, становился болѣе дипломатичнымъ, болѣе „сердечнымъ“. Для переговоровъ студентовъ велѣно было собирать группами, „на конгрессы“, какъ, выразился одинъ изъ „собиравшихъ“ исправниковъ въ соответствующихъ административныхъ центрахъ, по линіи желѣзной дороги. Въ Енисейской губ.: въ Красноярскѣ изъ Минусинскаго уѣзда, въ Ачинскѣ изъ Ачинскаго, въ Канскѣ — Канскаго у.. Въ Иркутской губ.: въ Нижне-Удинскѣ изъ Нижне-Удинскаго и Балаганскаго уѣздовъ, въ Иркутскѣ: Иркутянъ, Тункинцевъ и Якутянъ (изъ Олекминска и Якутска). *Въ общемъ, студенты повсюду отказались вступать въ какіе бы то ни было компромиссы съ правительствомъ*, при чемъ въ однихъ мѣстахъ они выражали это въ формѣ категорическаго отказа явиться на свиданіе съ Святополкомъ, въ другихъ, явившись, — вступать въ какія бы то ни было объясненія съ нимъ. Вотъ что сообщаютъ, напримѣръ, изъ Канска:

„Весѣда происходила въ полицейскомъ управленіи. „Вы были“ — задалъ онъ (Святополкъ) первый вопросъ послѣ „здравствуйте“ и приглашенія сѣсть — „арестованы въ числѣ (столькихъ то)?“

— Да.

„Въ тюрьмѣ (въ Бутыркахъ) вы всѣ отказались отъ вѣча, и, несмотря на то, Вы въ числѣ 95 выдѣлены въ особую категорію, сосланы сюда, тогда какъ оста-“

ные оставлены въ Россіи. Не хотите ли Вы дать мнѣ — я не допрашиваю Васъ, — а просто (не правда ли, какъ это „просто“!) спрашиваю какого-нибудь разъясненія касательно Вашего участія въ безпорядкахъ? За что-нибудь же выдѣлили Васъ? Находите ли Вы это выдѣленіе справедливымъ?”

Отвѣчать на всѣ эти вопросы я отказался.

„Ахъ, Господи! Ну, что же это вы всѣ отказываетесь говорить! Вѣдь у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни о к-мъ изъ васъ! (Ахъ, князь, какая у васъ милая, откровенная душа!) Не хотите ли Вы вообще дать какія-либо разъясненія относительно безпорядковъ, въ которыхъ Вы участвовали?”

Конечно, и на этотъ вопросъ я отказался отвѣчать.

Аудіенція продолжалась минуты 2-3. Въ такомъ же родѣ были бесѣды прочихъ Канцевъ, судя по ихъ рассказамъ. Только съ нѣкоторыми Мирскій былъ болѣе игривъ, съ другими менѣе общителенъ. Одному напр., (сыну Англійскаго консула) предлагалъ вернуться въ Англію, отъ чего тотъ отказался. Другого сразу спросилъ, былъ ли тотъ членомъ „Исполнительнаго Комитета“? и когда тотъ отказался отвѣчать, сказалъ, что не имѣетъ больше о чемъ его спрашивать. Такъ онъ никакого толку у насъ и не добился.

Еще большая откровенность и циничность проглядывала въ рѣчахъ Мирскаго въ Красноярскѣ и Ачинскѣ. Тутъ онъ обыкновенно начиналъ съ того, что будто „сибирскіе морозы охладили пылкія сердца“, и прямо предлагалъ возвращеніе въ Россію, а нѣкоторымъ сразу и въ университетъ, подъ условіемъ только... „честнаго слова больше не пускать прокламацій“. Далѣе, нѣкоторымъ говорилъ, что они „еще не знаютъ, какія неудобства и лишенія ожидаютъ ихъ въ Сибири“. А въ Ачинскѣ такъ прямо спрашивалъ, „не перемѣнили ли студенты своихъ убѣжденій?“ „Достоверно извѣстно“, заканчивалъ корреспондентъ, „что всѣ отказались отъ вопроса и заявили, что не вернутся въ Россію, если не будутъ возвращены всѣ товарищи вмѣстѣ, не

примуть никакихъ условій и не дадутъ никакихъ обѣщаній.“

Дальше еще хуже оказалось для князя. Такъ, изъ Нижне-Удинска, гдѣ, какъ я сказалъ уже, были собраны и изъ Балаганскаго уѣзда, пишутъ:

„У насъ рѣшили совсѣмъ не являться къ Святополку, и когда онъ прислалъ намъ приглашеніе явиться къ нему въ „Общественное собраніе“ (клубъ), мы отвѣтили слѣдующими бумажками: „Считая излишними вступать въ какіе-либо личные переговоры съ г. тов. мин. вн. дѣлъ, прошу довести до моего свѣдѣнія officialной бумагой черезъ полицейское управленіе все, что товарищъ министра имѣетъ сообщить или объявить“. Бѣдняга тов. мин. вн. дѣлъ ждалъ насъ цѣлый день, и не дождавшись, уѣхалъ, такъ и не сообщивъ ничего.“

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

Изъ Олекминска пишутъ: „28-го іюля мы получили извѣщеніе отъ исправника, что насъ приказано доставить въ Иркутскъ къ 17-му августа. Мы отказались ѣхать, заявивъ, что мы не поѣдемъ, не зная, куда и зачѣмъ. Спустя нѣкоторое время отъ губернатора пришла телеграмма, съ извѣщеніемъ, что онъ сообщилъ наши „просьбы“(?) министру вн. дѣлъ, и все-таки совѣтуетъ намъ выѣзжать, такъ какъ „нужно ожидать хорошаго, а не дурного“. Мы, конечно, рѣшили ждать отвѣта изъ министерства... Пришелъ отвѣтъ приблизительно такой: Правительство предполагаетъ облегчить участь студентовъ; если же студенты не желаютъ идти навстрѣчу подобнымъ предположеніямъ правительства, то могутъ оставаться на мѣстахъ водворенія. Олекминцы въ этомъ усмотрѣли требованіе отъ нихъ компромисса и категорически рѣшили остаться. При этомъ тотчасъ же была составлена и послана слѣдующая телеграмма: „Г-ну министру вн. дѣлъ. Отрицаая возможность какого бы то ни было соглашенія между нами и правительствомъ, мы предпочитаемъ остаться на мѣстахъ водворенія.“

Прибывшіе между тѣмъ Якутяне отправили приблизительно такую же телеграмму: „Г-ну министру вн. дѣлъ.

Не желая идти навстрѣчу предположеніямъ правительства, которые не могутъ *не* расходиться съ нашими, мы предпочитаемъ остаться“ и т. д.

Изъ Оленинцевъ подъ телеграммой подписались всѣ, кромѣ одного,*) изъ Якутинъ — всѣ, кромѣ двухъ,*) которые втроемъ уѣхали въ Иркутскъ.”

Ко всему этому слѣдуетъ добавить еще слѣдующіе два частные факта. Еще раньше, до поѣздки Святополка въ Сибирь, два студента, Церетелли и Тумановъ, (первый находится въ с. Тункѣ, Иркутскаго уѣзда, второй — въ с. Малышевкѣ, Балаганскаго у.) получили извѣщеніе, что они переводятся подъ надзоръ полиціи въ Тифлисъ. На это Церетелли отвѣтилъ слѣдующей бумагой: „Проходное свидѣтельство, присланное мнѣ при отношеніи уѣзднаго Иркутскаго исправника, отъ 26-го іюля за № 51, я принять отказался въ виду того, что въ разрѣшеніи мнѣ отбывать срокъ надзора на родинѣ я усматриваю актъ правительственной милости, пользоваться которою я считаю несомнѣннымъ съ моими возрѣніями; при этомъ считаю нужнымъ присовокупить, что если и подавался моими родными или знакомыми ходатайства о моемъ помплованіи, то дѣлалось это безъ моего вѣдома и вопреки ясно выраженной моей волѣ.“

Тумановъ же отказался выѣхать, пока департаментъ полиціи не объявитъ ему, по какимъ мотивамъ его переводятъ въ Тифлисъ. Недавно онъ на это получилъ отвѣтъ изъ департамента полиціи: „Тумановъ водворяется вновь въ Восточной Сибири.“

Какой неподобный отвѣтъ!...

Бѣдный Святополкъ! Бѣдный департаментъ полиціи! Бѣдный Ника! Такъ — таки ничего вамъ и не удалось выторговать у студентовъ! Каково теперь вашимъ „родительскимъ сердцамъ,“ а?... Мнѣйте же скорѣй у Ники валикъ въ шарманкѣ, а мы послушаемъ!...



*) Слѣдуютъ фамиліи неподписавшихся, но мы рѣшили опустить ихъ, въ виду неопредѣленности дальнѣйшаго ихъ поведенія.

С к р е т н о .

М. В. Д.

Канцелярія Иркутскаго
Генералъ-губернатора.

Во исполненіе Высочайшихъ указаній, для выясненія степени возможнаго облегченія участи лицъ, подвергнутыхъ высылкѣ подъ гласный надзоръ полиціи въ предѣлахъ Азіатской Россіи за участіе въ беспорядкахъ, происходившихъ весной 1902 г. въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга и Москвы, — товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Святополку-Мирскому поручено было собрать свѣдѣнія о поведеніи этихъ лицъ на мѣстѣ ихъ пребыванія и личнымъ ихъ опросомъ опредѣлить, насколько наложенныя на означенныхъ лицъ административныя взысканія соответствуютъ учиненнымъ ими проступкамъ.

По Вспомощническому докладу г. на Мин. Вн. Дѣлъ, представленныхъ Святополкомъ-Мирскимъ свѣдѣній Государю Императору въ 13-й день с: сентября Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволить:

I. Студентовъ Петерб. универ. — А. Аблова, А. Дыбевскаго и С. Таскина.

Студ. Московск. Ун. — М. Теръ-Авакова, Вл. Добросмыслова, С. Дрейера, А. Игнатова, Н. Кошкарлова, В. Карякина, А. Фавицкаго, М. Переломова и Я. Шалыта.

Студ. Моск. С.-Хоз. Инст. — А. Масалитникова.

Дворянина — Ал-ра Яценко.

Фельд-цъ — Фанию Голякъ, Авг. Пинегину и

Дом. Учит-цу — М. Фелицину

освободить отъ гласнаго надзора полиціи и предоставить имъ повсемѣстное въ Имперіи жительство, ограничивъ лишь доступъ въ общ: столицы по 1-ое іюля 1903 г., если раньше на жительство ихъ въ этихъ городахъ не послѣдуетъ разрѣшеніе мѣстнаго начальства.

II. Студ. Петерб. Ун-та — Ин. Соколову.

Студ. Петерб. Техн. Инст. — Ин. Китаеву.

Студ. Пет. Горн. Инст. — В. Половникову и И. Бокію.

Студ. Моск. Ун-та — Ис. Урысону, М. Кастенкову, А. Кастюквичу, Вл. Макарову, Л. Мееровичу, В. Ополовникову, В. Орлову, Л. Пересу, Гер. Никоку, Гр. Праздникову, Л. Саврасову, Н. Соболевскому, Н. Солонину, М. Терехову, Ал. Царику, Бор. Позерну, В. Гарбузову, А. Сыромятникову, Л. Залыгину, В. Савкову и Инк. Сегеди.

Студ. Моск. Техн. Уч. — Ю. Балталону, Вл. Добровольскому и Вяч. Котельникову.
 Студ. Моск. С.-Х. Инст. — В. Колокольникову.
 Вост. Лазар. Инст. — С. Кирѣевскому.
 Слуш.-цамъ Моск. Курсовъ — Ел. Нейгебауеръ, Кл. Зотовой, Е. Второвой, А. Зайцевой и Л. Пекуръ.
 Фельд-цѣ — Нак. Устиновой.
 Дворянкамъ — Н. Новодворской и Ан. Андреевской.
 Пом. прис. повѣр. — Серг. Волкову.
 Мѣщанину — Вл. Икову.
 Крестьянину — Вас. Глѣбову

сократить гласный надзоръ полиціи съ таковымъ расчетомъ, чтобы срокъ онаго истекалъ 1-го іюля 1903 г., освободить ихъ нынѣ же отъ водворенія въ Сибирь, если по семейнымъ и родственнымъ отношеніямъ, также по условіямъ матеріальнаго обезпеченія переводъ ихъ въ одну изъ мѣстностей Европ. Россіи, за исключеніемъ университет. городовъ, Риги, Ярославля, Екатеринослава и Новой Александріи, представляется возможнымъ.

III. Студ. Петерб. Ун-та — Ад. Корндорфу.
 Студ. СПб. Техн. Инст. — Н. Богатыреву и Нв. Трубѣ
 Студ. Моск. Ун-та — Ирклію Церетелли, Вит. Ахрамовичу, Изаману Басеву, Вяч. Волгину, Викт. Бибергалю, Юрію Будзиловичу, Игорю Будзиловичу, Нв. Борисову, Л. Зильбербергу, Ф. Камракову-Кисаткину, Вас. Бѣлоусову, Ал. Лисеву, Ев. Первухину, Бор. Свѣшникову, Ал. Ховрину, Георг. Чулкову, Макс. Швейцеру, Ал. Шугаму, Прицарху Щеголеву, Ник. Алфееву, Вас. Боголюбову, Ил. Вейншгоку, Ал. Гейну, Ник. Голике, Ник. Дрейеру, Мих. Киселеву, Льву Кунипу, Ник. Метальникову, Кон. Михѣеву, Викт. Налейшвили, Вл. Пермикину, Виктору Радусъ-Зеньковичу, Вадиму Рудневу, А. Соколову, А. Туманову, А. Турусову, Іос. Цейликману и Евг. Загорскому.
 Студ. Моск. Техн. Уч. — Серг. Сбитникову, Ник. Столыпину, Ник. Бѣлову, Нв. Грабовникову, Н. Ильину, И. Кароліу, Ник. Кудрявцеву.
 Студ. Моск. С.-Х. Инст. — Ил. Кожевникову и М. Ваценко.
 Студ. Моск. Ник. Уч. — Ис. Ратнеру.
 Слуш. Моск. Курсовъ — Ант. Барсевой, Ант. Мечниковой, Кс. Памфиловой, Людм. Николаевой.
 Дом. уч-цамъ — А. Полякъ и Евг. Алексѣевой.
 Фельд-цѣ — Ал. Лосевой.

разрѣшить съ 1-го іюля 1903 года переселеніе въ Евр. Россію въ избранные для жительства мѣста, помимо университет. городовъ, Риги, Ярославля, Екатеринослава и Новой Александріи съ оставленіемъ ихъ подъ надзоромъ полиціи по 1-ое марта 1904 г.
 О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство въ дополненіе къ телеграммѣ отъ 16-го

сентября с. г. для зависящихъ распоряженій и объявленія вышеуказаннымъ лицамъ, присовокупляя, что по запросу и возможности предоставленія перехода въ Евр. Россію лицамъ, указаннымъ въ категоріи II-ой, Министръ внутр. дѣлъ войдетъ въ обсужденіе о каждомъ лицѣ особо, по полученіи соответствующихъ заявленій отъ ихъ родителей или родственниковъ и подлежащихъ свѣдѣній.

За Министра внутреннихъ дѣлъ
 подписалъ Сенаторъ *Дурново.*

— 37 —

